



ПИЛИТЬ ОПИЛКИ БЕСПОЛЕЗНО

Обожаю «Седую легенду» Короткевича за кинематографичность: богачка и красавица Любка сохнет по благородному Роману Ракутовичу, а тот обожает простушку Ирину, князь Кизгайла вожделеет Любку, и в конце концов женится на ней. А на дворе XVI век, в стране вспыхивает крестьянское восстание, бывшие друзья —

Кизгайла и Ракутович — отныне становятся врагами, не без помощи коварной Любки, конечно. Кровища начинает хлестать налево–направо, виселицы работают в режиме нон–стоп, грязь кругом стоит, холод и хворь. В конце все герои остаются ни с чем, поверженные и растоптанные, потому как сказано у классика: «Боже, смилуйся над землей, которая рождает таких детей».

Отличная могла бы получиться киношка, жизненная. Более того, в начале 90–х «Седую легенду» экранизировали с Иваром Калныньшем в роли Кизгайлы. Но, во–первых, сегодня уже так не снимают. И потом, с Короткевичем подобное часто случается, режиссеры хотят поставить его произведение как можно лучше, а получается — масакра, то есть ничего хорошего.



ВРАЗУМИТЬ НЕВОЗМОЖНО

Юбилейный, 80–й сезон в Большом 9 сентября откроет премьера оперы «Седая легенда». И страшно любопытно, как это режиссер Михаил Панджавидзе управится со зловещей повестью Владимира Семеновича. Побывав на репетициях спектакля, я узнала много нового, даже такого, о чем в передаче Малахова «Пусть говорят» не услышишь.

— Бабу вразумить невозможно, понимаешь?! — объясняет режиссер красивому оперному певцу Володе Громову. — С мужиком еще можно поговорить, попытаться ему что–то объяснить. С женщиной — бесполезно. Если она что–то задумала — ее не остановить.

Осерчавший Громов (репетирует Кизгайлу) немедленно срывает всю свою мужескую злость на демонической Оксане Якушевич (Любка), и она по приказу режиссера в следующую же секунду ублажает князя.

Сейчас мне из скромности придется опустить занавес до 9 сентября, до самой премьеры, поскольку Кизгайла в ту минуту был не волен ни в чем. Он уже не выбирал свою любовь. За него решила судьба. А чем там у него дело с Любкой закончилось — промолчу. Черт, а интересно как репетируют...

В один из «антрактов» мы вышли с режиссером Панджавидзе на откровенный разговор:

— Михаил Александрович, у вас Любка–то сумасшедшая.

— Да нет, она просто любящая женщина, эгоистичная, которая в достижении своей цели не останавливается ни перед чем.



— **Нелестно вы о женщинах... Как же со своими женой и дочкой управляетесь?**

— У меня такое ощущение, что это они со мной управляются. Но «Седая легенда» мне близка не семейными отношениями. Это серьезная повесть о расколе внутри общества. На мой взгляд, самое страшное, что может произойти, это когда люди, снедаемые низменными страстями, обрекают на кровь и голод целые народы. Сегодня на фоне такого обилия гражданских войн во всем мире, мне кажется, текст Короткевича весьма актуален.

— **Знаю, что вы читали повесть на белорусском и восхитились крутой лексикой нашего классика. Где язык выучили?**

— Белорусский быстро освоил.

— **Перечитывая на днях эту книгу, я подумала, что «Седую легенду» на современном этапе можно сравнить с «Грузом-200» Балабанова: поступки героев — адские, расплата за них — суровая, судьбы исковерканы. Какую вы, кстати, фразу из «легенды» считаете ключевой? Моя любимая цитата, подходящая к любой криминальной хронике: «Боже, смилуйся над землей, которая рождает таких детей».**

— Пожалуй, пока воздержусь от слогана. Потому что история — это такая наука, по-моему, больше политическая: она служит не хронологии событий, а их трактовкам, которых может быть великое множество.

— **Но я же слышала на репетиции, как вы пытаетесь расшифровывать те или иные исторические события, о которых пишет Короткевич.**

— Да, но это делаю с точки зрения человеческой: если конфликт между героями привел к войне — плохо. К убийству и обнищанию земли — ужасно. И для меня не важно, что это делалось во имя той или иной идеи. Главное — результат, а у этой истории итог, как мы знаем, плачевный: истребление крестьянства, полностью лишилось инициативы дворянство... Знаете, у Короткевича ближе к финалу повести есть интересный такой образ: *народ стал темным, то есть слепым, а шляхта — безрукой, то есть недееспособной.*



— **И работать, получается, некому.**

— Не то что работать — жить некому. И важно эти вещи понимать и проговаривать, чтобы люди знали, чем может вражда обернуться. *Пилить опилки бесполезно.* Как и не стоит реинкарнировать то, чего уже давно нет. Прошлое Беларуси — это ее прошлое, его не подаришь ни Бразилии, ни Уругваю. Со своей историей надо жить, двигаться дальше, естественно, помня победы и учитывая ошибки отцов.

ЛЮБОВЬ КАК ПРИГОВОР

— **А что вы думаете о названии книги? Почему это «легенда», да еще «седая»?**

— Над всеми ужасами здесь как искупительная жертва торжествует любовь Романа и Ирины. Пройдя через страшные муки и пекло войны, они остаются людьми, притом любящими друг друга. Эти двое оказываются выше всего того кошмара, который их окружает. И хотя за свои ошибки им приходится очень дорого заплатить, их чувства оказываются настолько чистыми, что нам с художником спектакля Александром Костюченко это позволило в качестве образа их

любви найти икону Петра и Февронии — известный символ неразлучников. Лебединая верность, когда один другого не переживает, у людей случается очень редко.

— И все-таки я опасуюсь за материал: накануне очень плохой фильм-экранизацию «легенды» посмотрела.

— Надеюсь, в нашем спектакле не будет спекуляции на национальном колорите. Я же сам родился и вырос в Ашхабаде и очень хорошо понимаю, как за этнику можно прятать бессмысленность, а то и пошлятину. Это как фильмы про войну: что ни поставишь — все спишут, потому что тема такая. Вот и национальный колорит — всепрощающая штука, за которой режиссеру очень легко спрятаться. А мне бы хотелось в итоге получить произведение, которое, будучи национальным по своей сути, стало бы интернациональным по восприятию, чтобы посмотреть его можно было без скидок на специальный менталитет.

— Кому отдадите главные роли в день премьеры, уже решили?

— А вот это неправильный вопрос в принципе. Объясню почему. Ярмарка тщеславия — это такая болезнь, которой, к сожалению, артисты очень подвержены. И когда они начинают выяснять между собой, кто из них лучше и достоин петь премьеру, — это конец репетициям, искусству и вообще — всему. Сейчас для меня главное — режиссура, чтобы на сцене люди были живыми. Кстати, как по вашим ощущениям от репетиции, — живые?

— Да, неожиданно. Я думала, что оперные артисты — это только вокал и пафос. Но вам как-то удалось их раскошегарить.

— О чем вы говорите, у нас очень талантливая оперная труппа и даст фору многим драматическим коллективам. Пока я очень доволен процессом, атмосферой, которая царит здесь, в театре, и вообще — всем.

— Счастливый вы человек. И да, удачной премьеры.

Справка «СБ»

Премьера оперы «Седая легенда» композитора Дмитрия Смольского состоялась в Большом театре в Минске 23 марта 1978 года. Автором либретто тогда выступил сам Владимир Короткевич. В 1980 году опера была выдвинута на получение Государственной премии БССР. И награды были удостоены Дмитрий Смольский и Ирина Шикунова — исполнительница партии Ирины.

Спустя 30 лет «Седая легенда» в новой редакции возвращается на сцену театра. Сегодня постановку осуществляют: дирижер Виктор Плоскина, режиссер Михаил Панджавидзе, художник Александр Костюченко, хормейстер Нина Ломанович, художник по костюмам Элеонора Григорук.

Декорации и бутафорию для минского спектакля готовили в Москве. На сегодняшний день — это 5 мостов, один из них — подвесной весом 1,5 тонны. Также к премьере на сцене монтируют громадную крепость и средневековый замок, оснащенный внутри, как голливудский павильон: люстры, камин, аркады, пушки, старинная мебель. Плюс манекены рыцарей. Для того чтобы изучить весь «фарш» премьеры, сотрудники «СБ» блуждали среди декораций два дня.

Автор публикации: **Виктория ПОПОВА** Фото: **Александр СТАДУБ**

Дата публикации: **21.08.2012**